

— Старший брат!

Из дверей обители кулиnarов, подобно испуганному косяку корюшки, выпала орава учеников в серых одеяниях. Завидев у постройки бессмертного заклинателя в белоснежных одеждах, они синхронно замерли и склонились в глубоком, почтенном поклоне.

Чернеющая масса молодых послушников, одновременно воздевшая сложенные в приветствии руки, представляла собой зрелище внушительное. Бай Цинюнь, никогда в жизни не сталкивавшийся с подобным выражением слепого почтения, почувствовал, как по спине пробежал мороз. Подавив подступившую к коже дрожь, он едва заметно повел подбородком, разрешая ученикам подняться.

Из первых рядов выступил коренастый заклинатель с широким, мясным лицом. Встав в самом центре, он почтительно произнес:

— Не ожидали увидеть вас здесь, Старший брат. Чем обязан столь неожиданному визиту?

Судя по внушительной туше и властным манерам, именно этот человек заправлял местной кухней.

Бай Цинюнь небрежно обмахнулся веером, придавая лицу выражение благородной отстраненности:

— Проходил мимо и решил навестить младших братьев. Ваша доля нелегка: приходится не только усердствовать в самосовершенствовании, но и ежедневно трудиться над пропитанием всей секты.

Ученики переглянулись и облегченно вздохнули: слава небесам, не наказание! А крупный заклинатель и вовсе просиял, мгновенно распаляясь от признательности:

— Благодарим за заботу, Старший брат! Но это лишь наша прямая обязанность, ничего более.

В кухонных службах обычно пребывали адепты с ничтожным духовным коварством и скромными задатками. При обычном раскладе потолком для них оставалось внешнее кольцо секты, где спустя годы безнадежных попыток продвинуться по пути Дао их в лучшем случае отряжали в нижний город — заведовать складами или хозяйственными мелочами.

То, что им посчастливилось попасть во внутренние покои секты Тяньи, где духовная энергия лилась рекой, да еще и слушать наставления пиковых владык наравне с личными учениками — пусть и ценой грязной работы, — казалось им невероятным подарком судьбы.

Потому простые слова сочувствия из уст первого ученика вызвали у слуг бурю восторга. Бай Цинюнь даже легким кашлем попытался скрыть смущение: отчего это пара вежливых фраз

заставила юнцов в задних рядах едва ли не рыдать, украдкой вытирая слезы рукавами? Неужели ступившие на путь культивации люди становятся настолько сентиментальными?

— К слову, есть еще кое-что, — продолжил Бай Цинюнь. — Касательно моего младшего брата Е...

— Ученик все понял! — не дав ему договорить, ревностно подхватил толстяк. Он сделал пару шагов вперед и, заговорщически понизив голос, шепнул: — Все исполняется в точности по вашему повелению, Старший брат!

«По моему повелению?!»

Бай Цинюнь нахмурился:

— И что же я, по-твоему, повелел? Неужели урезать рацион Е Цинхэ?

— Ну что вы, как можно! — Повар убежденно замотал головой. — Вы — Старший брат секты Тяньи, разве снизойдете вы до столь мелкой пакости!

Бай Цинюнь слегка расслабился, но следующая фраза повара заставила его замереть:

— Вы всего лишь велели присылать ему помои, остывшие обрезки да жидкую пустую жижу!

Уголок губ Цинюня нервно дернулся:

—... И по-твоему, это не называется «урезать»?

— Разумеется, нет! — с праведным гневом в голосе отчеканил заклинатель. — Разве можно благородные помыслы Старшего брата клеймить столь низкими словами?! В каждом засохшем листе капусты, в каждой разваренной рисинке заключена ваша безграничная, отцовская забота о младшем брате Е!

Бай Цинюнь судорожно вздохнул, пытаясь переварить этот бред:

— Забудьте обо всем, что я говорил раньше. Перестаньте морить его голодом. Отныне снабжайте Е Цинхэ едой по той же норме... по той, что раньше полагалась мне.

— Старший брат, да как же так! — от изумления повар даже всплеснул руками. — Этот Е Цинхэ — никчемный смертный! Как он смеет принимать подобную милость? Вы же его избалуете! Он окончательно потеряет скромность и зазвездится!

— Зазвездится?..

— Именно! — горячился тучный повар. — Ваше особое внимание и так было для него небывалой честью! А теперь вы жалуете ему собственный рацион! Это слишком, слишком щедрый дар для такого ничтожества!

Он так отчаянно бил себя кулаком в грудь, а стоявшие за его спиной ученики так истово кивали каждым его словом, что на мгновение Бай Цинюню показалось, будто он распорядился отдать младшему брату не обед, а древний артефакт высшего ранга.

Вглядевшись в оплывшее лицо повара, Цинюнь внезапно вспомнил детали из оригинала новеллы. Этот тип из внешнего круга попал на кухню именно благодаря прошлым капризам прежнего владельца тела и верой и правдой служил ему доносом и пакостями. Позже, когда каноничный «Бай Цинюнь» с позором лишился всего, этот добряк даже попытался подсыпать яд в блюда на Пире Общей Радости, чтобы спасти хозяина. Правда, глупо попался, и Е Цинхэ без лишних слов испепелил его на месте вместе со всей кухонной утварью.

Неудивительно, что он столь усердно выслуживается.

Бай Цинюнь приложил ладонь ко лбу, подавляя головную боль:

— Короче говоря, просто сделайте то, что я сказал.

Е Цинхэ разглядывал массивный резной короб для яств, который принесли двое мальчиков-слуг, и его темные брови сдвигались все сильнее.

Тяжелые раны еще не затянулись до конца, и на бледном лице лежала глубокая тень усталости. В последние дни сон не приносил ему отдыха: стоит закрыть глаза, как разум погружается в один и тот же навязчивый морок.

Каждую ночь перед ним разворачивалась картина того злополучного дня. В центре сновидения неизменно оказывался один и тот же человек. Лица его разглядеть не удавалось, но длинные, холеные пальцы, покоившиеся на резном подлокотнике из грубого тика, казались выточенными из безупречного белого нефрита. Е Цинхэ не мог оторвать взгляда от этой картины: даже просто сидя на краю ложа, тот человек излучал небрежное, дразнящее изящество.

Но в следующий миг незнакомец поправлял край его одеяла и тихо, с ласковой смешинкой шептал прямо на ухо: «Ну же, зови меня мамочкой...»

Вкрадчивый шёпот проникал под кожу, и Е Цинхэ в ужасе просыпался в холодном поту. Он

применял Заклятие Очищения Тела, смывая липкую влагу, но заснуть снова уже не мог.

Из-за душевного смятения духовные каналы восстанавливались медленно, тело наливалось тяжестью, а в груди копилось глухое раздражение. И уж совсем не добавило ему спокойствия то зрелище, что предстало перед ним сегодня.

С самого дня прибытия в секту Тяньи он не видел, чтобы эти двое прислужников вели себя подобным образом. Они тащили тяжелый, богато украшенный сундук-поднос, за которым едва виднелись их собственная голова и плечи.

Да и сама утварь разительно отличалась от прошлых мисок: лакированное дерево с позолотой и нефритом, ослепительные узоры, переливающиеся в лучах солнца. На крышке искусно вырезаны дракон и феникс, расправившие крылья среди клубящихся облаков. Подобную вещь мог сотворить только искушенный мастер артефактов.

Обычно заносчивые слуги сейчас прямо-таки лучились подобострастием. На этот раз они не бросили скудный паек у порога, а приволокли из глубины двора тяжелый стол из темного полосатого эбена, накрыли его отрезами драгоценного шелка акульих дев из Восточного моря и воскурили в Трехцветной курильнице в форме лотоса Благовоние Прозрения, сработанное из тысячелетней Древесины Прозрения из подземных глубин.

Вившийся из курильницы сизый дым пьянил: стоит сделать вдох, как в голове проясняется, а застоявшаяся духовная энергия в меридианах начинает ускорять свой бег. Слуги, понимая, что не смеют вкушать столь ценные блага, спешно расставили яства, испуганно закланялись и с глубокими поклонами попятились прочь.

Е Цинхэ полуприкрыл глаза, смотря на выставленное изобилие. Одурманивающий аромат, скрытый в ингредиентах богатый духовный сок, объем — все это не имело ничего общего с прежней чашкой пресного, сваренного на воде жмыха размером с ладонь.

Палочки в его руке поднялись и снова опустились. В прошлые годы, до попадания в секту, Е Цинхэ приходилось туго. Заплесневелый рис и гнилые овощные очистки считались удачей, а чаще всего он просто лежал в темном переулке, сжимая тощий живот от голода.

Оказавшись в Тяньи, где еду давали каждый день, он чувствовал себя более чем удовлетворенным. Но то, что лежало перед ним сейчас, превосходило любые фантазии.

Е Цинхэ медленно скользнул взглядом по столу и замер, впорившись в центральное резное блюдо. На нем горкой лежали сочные, ярко-алые Плоды Сотни Духов.

Такие фрукты он видел лишь в одном месте. И знал лишь одного человека, который любил ими лакомиться.

Е Цинхэ даже не притронулся к дышащим паром кушаньям. Повернувшись, он направлялся туда, куда, как он думал, нога его не ступит никогда в жизни.

Главная вершина секты Тяньи — Пик Услышанного Снега. На самом его гребне ютилась просторная, изысканная усадьба. Е Цинхэ замер перед дубовыми воротами, глядя на резную табличку, и в душе его зародилось сомнение. В этот момент с тропы послышались шаги — несколько слуг тащили тяжелые плетеные короба. Заклинатель мгновенно отступил в тень, скрываясь за выступом скалы.

Послушники с трудом приволокли корзины размером в полчеловеческого роста к самой калитке, утерли пот со лба и, не входя внутрь, громко выкликнули известие о доставке. Подождав немного, они гурьбой направились обратно вниз по склону. Едва их фигуры скрылись за поворотом, Е Цинхэ бесшумно выступил из укрытия.

Он заглянул в корзину. Как и следовало ожидать, внутри алели знакомые круглые плоды.

Внезапно скрипнула петля, и деревянная створка отворилась. Е Цинхэ снова тенью метнулся за угол. На пороге показался человек в белом. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никого нет, он облегченно вздохнул. А в следующее мгновение этот почтенный бессмертный сцапал тяжеленный короб и, слегка покачиваясь из стороны в сторону и весело мурлыча под нос какую-то фривольную мелодию, потопал во двор.

Цзинмин-цзюнь, которого знал Е Цинхэ, всегда ходил с ледяной миной и прямой, словно натянутая струна, спиной. Увидеть его в столь нелепом и расслабленном состоянии казалось дикостью. Этот образ катастрофически не вязался с прошлым.

В памяти Е Цинхэ снова всплыли странные речи, произнесенные этим человеком в день пробуждения. Неужели, очнувшись после тяжелой травмы, он растерял остатки прежнего характера?

Дорога туда и обратно не заняла много времени. Когда Е Цинхэ вернулся в свои покои, еда в коробе все еще сохраняла тепло. Заклинатель долго смотрел на натюрморт из изысканных кушаний — казалось, если бы взгляд мог испепелять, на эбеновом столе давно остались бы лишь угли.

Наконец Е Цинхэ достал из-за пазухи тонкую серебряную иглу. Он поочередно погрузил острие в каждое блюдо. Пройдя весь круг, он поднял инструмент: серебро осталось безупречно чистым, не потеряв ни капли блеска.

Обычный инструмент не уловил бы изощренный яд бессмертных, но эта игла была сработана лекарями с Пика Целебных Трав — против ее магии не могла устоять ни одна отравы подземного или бессмертного мира.

Значит... Е Цинхэ поднес палочки к губам и отправил в рот кусочек с ближайшего подноса. В

тот же миг богатая палитра вкусов рассыпалась на языке невероятным букетом. Е Цинхэ чуть прищурился. В лучах полуденного солнца алая родинка у самого края его глаза вспыхнула особой, опасной красотой.

Чего же на самом деле добивается его дорогой Старший брат?

<http://bllate.org/book/20397/2106020>